

Сергея Ефремова. — Поначалу каждое мероприятие бегал согласовывать с «эмжековцами», а теперь половини, фактически, отделилась и живет, как в обычном доме. Детскую комнату решили закрыть — не нужна она стала нашим мамам. Библиотека тоже, фактически не работает — каждый предпочитает иметь книги дома. Вот фото-лаборатория и слесарная мастерская не пустуют. Но тут все от интересов зависит.

— А с переехавшими жильцами как отношения складываются?

— С бабушками? Прекрасно, с ними у нас никаких проблем...

С бабушками хлопот, пожалуй, и в самом деле куда меньше, чем с молодыми жильцами. Они, по крайней мере, в ОБХСС писем не пишут с просьбой провести проверку и установить, куда делось то-то и то-то, что, по не всегда проверенным данным, было завезено в МЖК и бесследно исчезло. Сергей, правда, пока в подобных разборах не участвовал — первые «эмжековцы» в этом отношении оказались менее подозрительными и бдительными. Зато семье его «коллеги» из МЖК-2 Александра Кравченко пришлось встретиться и проводить проверяющих уже не один и даже не два раза:

— Пока проверки ничего не подтверждают. Но нервы-то...

Обстоятельства, конечно, в жизни бывают разные. И все-таки как-то не укладывается в голове, как можно, отработав два года бок о бок друг с другом, писать о соратниках письма в компетентные органы. Тем более, что товарищам и так приходится не сладко.

Обвинений в том, что оргкомитет в тайне от других пропагандирует в отряды «своих» людей, председатель и его зам наслушались вдоволь в промежуточных между добытыванием стройматериалов и заключением очередных договоров на «выполнение работ». Слухи будто с неба берется — нечто смутное постоянно витает в воздухе.

В одно из редких появлений Андрея в резиденции оргкомитета разговаривали о наболевших проблемах.

— Меня не могут на месте заставить, — говорил председатель. — А так оно и получается: мне за день нужно в пяти местах побывать, вопросы утрясти, а перед этим еще и в приемных посидеть в ожидании, хоть встреча мне и назначена. Предлагают: «Возьми на стажировку к себе какого-нибудь парнишку — не вечно же в председателе ходить придется. Пусть он хоть понаблюдает за твоей работой». А что я человеку покажу за полторы-две недели? Если только его на телефоны посадить, чтобы отвечал каждому: «Сорокина нет...».

Его и в самом деле почти не заставить. Однажды мы проделали с ним приблизительно тот маршрут, который Сорокин совершает ежедневно. «Пять минут», на которые он заскочил с бумагами в заводоуправление, затянулись на добрых полчаса, поскольку в приемной оказалось много народу. Потом был строящийся дом, где каждый встречный просил объяснить, почему опять затягивается строительство и что делать, если пора возвращаться на комбинат, а дом все еще не готов. В общем, вместо запланированных двух, поездка нам обошлась в четыре часа.

С МЖК-3 для «Искры» кончилась полоса везения. Нехватка того, другого, третьего, десятого, что раньше удавалось компенсировать что его знает чем, основательно «осадила» набравшее было скорость движение. Кроме того, институт «Казстройтехпроект», выполняющий по договору проект монолитного дома и рабочие чертежи опалубки, затянул завершение работ на неопределенный срок. Из-за этого очередной — четвертый по счету — отряд «эмжековцев» оказался не у дел. Настроившись на то, что уже к концу 1992 года отпразднуют новоселье, к июню нынешнего большинство начало роптать на «бездельников из оргкомитета».

Можно, конечно, заподозрить Андрея Сорокина в «антинародной» политике. Только уж очень она у него получилась странной — во зло себе же самому: в доме, который никак не могут достроить, он после четырех, вместо положенных двух, лет работы на благо комплекса, должен, наконец, получить жилье...

Впрочем, натура человеческая противоречива. Для счастья ей нужно очень немного, а для утраты надежды еще меньше.

Сортировщик-сдатчик девятого прокатного цеха Елена ДОРОФЕЕВА и слесарь ТЭЦ Гавриил ЗАЙЦЕВ — строители МЖК.

Фото В. Макаренко.

ГОД ПЯТЫЙ — ФИЛОСОФСКИЙ

С ВЫСОТЫ многоэтажного дома удобно наблюдать за окружающим миром. Даже если дом еще не достроен и карабкается наверх пришлое где по залипаным штукатуркой лестничным маршам, а где и по шаткой приставной лестнице.

В пустых, еще не оклеенных обоями квартирах, где трудно даже поверить, что только жилая площадь некоторых двухкомнатных — 37 квадратных метров, инженеры, воспитатели, повара, лаборанты, металлурги называли мне сроки своего стояния в очереди на квартиру: от семи до двенадцати лет (кто-то, правда, произнес: «Семнадцать...»).

На строительстве не хватало людей. Управление «Жилстрой» разбросало отряд по нужным ему объектам. Они готовы были трудиться здесь от зари до зари, лишь бы скорее въехать в свои квартиры. В то, что с помощью МЖК можно построить новую людскую общность, говорили мне, они верят. Безусловно, какие-то связи распадутся, но многое останется.

Я очень желаю им сохранить веру в это неладное. На всю жизнь. Пусть хотя бы этому дому посчастливилось прожить без апатии и зависти.

А в жизнь в духе единства интересов я никогда не верила и не поверю. Все равно дом, который построил когда-то Джек, ближе человеческой натуре.

— Есть идея, — сказал мне Сергей Ефремов, — собрать когда-нибудь всех активных «эмжековцев» и построить еще один дом. Вот тот, думаю, будет уже настоящим...

Возможно, это не такая уж утопия — всем домом ходить в походы или устраивать спортивные соревнования. Только реальностью она сможет стать не раньше, чем мы начнем строить своими руками дом от квартирного пресыщения. Живем мы, допустим, втроем в трехкомнатной, но для того, чтобы принимать гостей без стеснения собственной свободы, нам нужно пять комнат. Вот объединившись с такими же, как мы желающими, может быть, и удастся создать некий новый мир братства.

Хотя нужен ли он кому-то? — Нужны ли нам «благоустроенные казармы»? — ответил мне вопросом на вопрос Геннадий Георгиевич Чугунинов.

ПОСТСКРИПТУМ. В конце этой главы я собиралась поставить точку, когда из Алма-Аты вернулся Андрей Сорокин. С собой он привез долгожданный проект монолитного дома МЖК-4 и известие о том, что со дня на день отряд отправится на стройку. Точку я пока ставить передумала. Пожалуй, через некоторое время может появиться еще одна глава о жизни МЖК — «Год шестой» — какой, пока неизвестно...

В. ЗАСПИЧ.

(Пресс-центр комитета комсомола ММК.)

Николай КАШИРИН

ПОКА ЖИВУ — ПОМНЮ

(Начало в № 70—73)

3. ТЮРЬМА

Утром приносили хлеб, староста камеры принимал его у двери и раздавал по списку, затем передавал баланду — жидкую, мутную, подсоленную водичку. Ложек, конечно, не было, но научились есть через край чашки так, что в ней не оставалось ни крошки. Сидя ели, сидя спали, сидя делились своими невзгодами.

По ту и другую стороны от меня сидели люди в оплошных фурункулах, из некоторых вытекала дрянь. По своей природе я человек чистоплотный и для меня это было великим испытанием. Да и боялся, что фурункулы перейдут на меня. Правда, Бог милостив, этого не случилось.

В таких условиях я встретил день своего рождения 27 июля 1938 года. Мне исполнилось 20 лет.

Вся обстановка, окружающая меня: теснота, гнусный воздух с запахом гниющих тел, зловонная параша, рукоприкладство дежурных по коридору, — все это действовало гнетуще. Лучше умереть, чем влечить скотское существование.

Я решил объявить голодовку. Товарищи объяснили, на кого нужно писать заявление. Я адресовал его прокурору области, копию — начальнику областного управления НКВД, копию — начальнику тюрьмы с требованием связи с семьей и немедленного суда. Это произошло в двадцатых числах августа.

Утром староста камеры возвратил обратно мою порцию баланды, а также пайку хлеба с написанным на клочке бумаги: «от голодающего Каширина». Через два дня по общему согласию мне предоставили привилегированное место под столом.

Голодал семь дней, на седьмые сутки вечером меня вызвали из камеры и привели в один из кабинетов тюрьмы. Там был представитель областного управления НКВД:

— Мы решили удовлетворить ваши требования и просим прекратить голодовку. Вот письмо вашей матери.

Действительно, по почерку я понял, что писала мать. Просила не беспокоиться о них, сообщила, что работает бухгалтером, что Вениамин бросил учебу и работает в колхозе на хуторе Каширинском, что они могут прокормить двух младших братишек.

— Суд вам будет на днях. Снимайте голодовку?

В камере началось обсуждение, как я должен вести себя на суде. Суды были редки, подавляющее большинство осуждалось заочно «двойками», «тройками», «особыми совещаниями». Кто советовал признать вину и получить 10 лет ИТЛ, — мол, иначе расстреляют. Кто советовал делать наоборот — отказываться от всего.

Я ждал, что скажет староста камеры, всеми уважаемый, умный человек. Но и он не знал, как поступить.

Мы уже привыкли к чудовищным обвинениям и содержанию. Никто не мог правильно посоветовать и не имел права на это, потому что мы не знали взаимоотношений следствия и судов, не знали, что происходит в стране. Возможно и суды под пятой НКВД?

В ночь с 4-го на 5-е сентября я видел сон: будто гляжу на себя в зеркало и вижу, что у меня окладистая борода и усы.

После завтрака открывается дверь.

— Каширин! С вещами — на суд. В «черном вороне» встретил всех своих «однодельцев». Им тоже в камерах советовали не отрицать подписанного «дела», иначе расстреляют. Молчал только Дмитрий Малей.

Кто-то из них сообщил мне, что в одной из камер тюрьмы помер мой двоюродный дядя — Александр Владимирович Каширин. Ему в то время было за 50 лет, он изрядно был порублен в боях во времена революции — у него была разрублена челюсть, он с трудом ел. Ну, и на следствии, думаю, ему досталось.

В областном управлении НКВД заседала выездная сессия военного трибунала УралВО в составе трех чело-век и секретаря. С нами находились только конвоиры. Все, кроме Дмитрия Малей, признали себя виновными, пугаясь в подробностях. Когда и где встречались, о чем говорили, что решали? Если бы это было на самом деле, то и тогда никто бы не запомнил даты встреч и тем более разговоров, тем более, что этого не было. Как и все, я отвечал: не помню, когда было, не помню, о чем говорили.

«Скорый и правый» суд удалился на совещание.

— Встать, суд идет. По приговору Василию Абросимову и Григорию Горшкову «подарили» по шесть лет ИТЛ и по пять лет поражения в правах. Абросимову Михаилу — десять лет ИТЛ и пять лет поражения в правах. Ну, думаю, мне преподнесут лет пятнадцать. Нет. Меня приговорили к расстрелу.

Судьи в моих глазах повернулись слева направо по часовой стрелке на 360 градусов. Ко мне подошли три конвоира и вынули пистолеты. Дмитрия Малей освободили из-под стражи.

Впоследствии, в спокойной обстановке я, вспоминая детали суда, думал: а что было бы, если бы мы все отказались от подписанных показаний? В лучшем случае, передали бы на переследствие, но конечный результат был бы тот же. Меня, как Каширина, не отпустили бы.

— Следуйте за мной, — сказал один из конвоиров. Двое пошли сзади меня. Завели в какой-то пустующий кабинет. Старший сел на стул у южной стены. Меня усадили у противоположной, двое встали по обе стороны двери, пистолеты держат в руках. Может быть, это является естественной защитой разума — временно уйти от кошмарной действительности — но, к удивлению, мне сильно захотелось спать. Я бросил шубу на пол, лег и тут же уснул глубоким сном. Проспал минут 20 или 30, (Окончание на 4-й стр.)